

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-22

Лариса Васильевна Маняшина^{1✉}, Анна Алексеевна Кузьмина²

Астраханский государственный университет им. В. Н.Татищева, Астрахань,
Россия

¹maniashina@mail.ru

²Anna_kuzmina_2003@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ИХ РОЛЬ В ТЕКСТАХ НОВЕЛЛ АВСТРИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические лексико-грамматические средства, которые формируют уникальный стиль художественных текстов австрийского писателя Стефана Цвейга, подчёркивают эмоциональную насыщенность текста и создают атмосферу. Статья также затрагивает вопросы влияния лексико-грамматических средств на восприятие сюжетной линии и характеров персонажей.

Ключевые слова: лексико-грамматические средства, новелла, Стефан Цвейг, анафора, антитеза, лейтмотив, повтор, эмоциональная насыщенность

Для цитирования: Маняшина Л. В., Кузьмина А. А. Лексико-грамматические средства и их роль в текстах новелл австрийского писателя Стефана Цвейга // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 54–64.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81-22

Larisa V. Manyashina^{1✉}, Anna A. Kuzmina²

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹maniashina@mail.ru

²Anna_kuzmina_2003@mail.ru

**LEXICAL AND GRAMMATICAL TOOLS AND THEIR ROLE IN THE
TEXTS OF SHORT STORIES BY THE AUSTRIAN WRITER
STEFAN ZWEIG**

Abstract. The article examines stylistic lexical and grammatical tools that form the unique style of literary texts by the Austrian writer Stefan Zweig, emphasize the emotional richness of the text and create an atmosphere. The article also touches upon the influence of lexical and grammatical means on the perception of the story line and the characters of the characters.

Keywords: lexical and grammatical means, novel, Stefan Zweig, anaphora, antithesis, leitmotif, repetition, emotional saturation

For citation: Manyashina L. V., Kuzmina A. A. Lexical and grammatical tools and their role in the texts of short stories by the Austrian writer Stefan Zweig // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 54–64. (In Russ.).

Введение

Исследование текстов произведений Стефана Цвейга, одного из ярких представителей австрийской литературы, является интересной и актуальной

темой в современной лингвистике. Свои произведения автор создал более века назад, но они по-прежнему вызывают интерес, поскольку его новеллы увлекают необычными сюжетами, своим драматизмом, они вызывают сопереживание современного читателя. Язык автора выразителен и притягивает внимание читательской аудитории. Работы по изучению произведений этого автора позволяют раскрыть многочисленные лингвистические аспекты, включающие в себя особенности лексико-грамматического строя языка, стилистики. В настоящем исследовании мы хотели бы рассмотреть лексико-грамматические средства, характерные для текстов новелл Стефана Цвейга, и их функциональные особенности.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты занимались исследованием лексико-грамматических средств, которые формируют эмоциональную основу текста. Среди них можно назвать К. А. Левковскую, Г. Н. Пospelova, Л. А. Новикова, В. П. Москвина, З. П. Куликову [6, с. 115; 7, с. 84; 10, с. 104], которые описали и систематизировали данные стилистические средства. Особое внимание заслуживает, на наш взгляд, классификация лексико-грамматических средств Э. Г. Ризель [9, с. 56], которая позднее была доработана и дополнена новыми стилистическими средствами из этой группы Н. М. Наер [8, с. 73]. В работах данных лингвистов выделяются такие средства, как повтор и его виды – анафора, эпифора, кольцевой повтор, анадиплоза, параллелизм, хиазм, антитеза. Данная классификация лексико-грамматических средств заслуживает особого внимания, потому что наиболее полно представляет и систематизирует лексико-грамматические средства языка, а также помогает понять их употребление в определённых контекстах. Все эти средства без какого-либо переосмысления помогают лучше понять текст, наиболее глубоко его прочувствовать.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В новелле «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга мы находим различные виды повторов, среди них выделяется многократный повтор одного и того

предложения на протяжении всей новеллы. Данная фраза стала лейтмотивом в произведении, где говорится о горькой судьбе молодой женщины, о её одиночестве, о её трагической судьбе. Стефан Цвейг мастерски использовал в своих новеллах лейтмотив для создания в тексте определённой атмосферы, характерной для происходящего в новелле: *Mein Kind ist gestern gestorben – es war auch Dein Kind. Es war auch Dein Kind, Geliebter, das Kind einer jener drei Nächte ..., Es war unser Kind, ich schwöre es Dir...* [11, с. 127] *Es war unser Kind, Geliebter, das Kind meiner wissenden Liebe und Deiner sorglosen, verschwenderischen, fast unbewussten Zärtlichkeit, unser Kind, unser Sohn, unser einziges Kind* [11, с. 128]. *...warum ich dies Kind Dir alle diese langen Jahre verschwiegen und erst heute von ihm spreche, da es hier im Dunkel schlafend, für immer schlafend liegt, schon bereit fortzugehen und nie mehr wiederzukehren, nie mehr!* [11, с. 142]. В новелле «Письмо незнакомки» многократный повтор слова *Kind*, а также фразы *Mein Kind ist gestern gestorben...* служит важным инструментом для раскрытия глубины эмоционального состояния героини и её отношений с любимым человеком.

Этот повтор, который стал лейтмотивом новеллы, подчёркивает сложные чувства материнства, любви и утраты. Многократное упоминание о ребёнке, которого теперь потеряла мать, создаёт напряжённость и драматизм, заставляя читателя осознать важность этой связи, акцентирует внимание на связи между двумя героями, одновременно выражая боль и страдание из-за травмы утраты.

Другим примером употребления лейтмотива для усиления эмоционального воздействия на читателя в новелле «Амок» служит фрагмент: *Die Leute in den Dörfern wissen, dass keine Macht einen Amokläufer aufhalten kann... so brüllen sie warnend voraus, wenn er kommt: Amok! Amok!, und alles flüchtet..., hatte ich meine Existenz hinter mich geworfen und rannte Amok ins Leere hinein, «aber der Amokläufer rennt ja mit leeren Augen, er sieht nicht, wohin er rennt...* [11, с. 60]. В этом фрагменте из новеллы «Амок» лейтмотивом является тема «амока», повторяющаяся 8 раз за несколько абзацев и символизирующая

безумие, отчаяние и потерю контроля. В данном контексте человек в состоянии амока, стал воплощением сильных, подавленных эмоций и эмоционального кризиса. Лейтмотив амока создаёт ощущение напряжения и угрозы, что помогает читателю лучше понять внутренние конфликты персонажа и его состояние. Лексема в «амока», которая повторяется 8 раз в небольшом фрагменте текста, не только усиливает эмоциональную нагрузку текста, но и помогает углубить понимание психологического состояния героя, его внутреннего конфликта и драмы.

Разнообразные виды повтора можно найти и в новелле Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины». Лексический повтор играет важную роль в следующем фрагменте: *Unwillkürlich richtete ich mich auf, um mich zu besinnen, und da... wie ich den Blick seitwärts wandte... da sah ich – und nie werde ich Ihnen meinen Schrecken schildern können - einen fremden Menschen im breiten Bette neben mir schlafen... aber fremd, fremd, fremd, ein unbekannter Mensch* [11, с. 197]. Повтор слова «fremd» акцентирует то, что персонаж чувствует глубокую тревогу и ужас при обнаружении незнакомца рядом с собой. Слово «fremd» напоминает о том, что это не только физическое состояние, но и эмоциональное. Чувство отчуждения и даже неприязни вызывает страх и настороженность. Повтор усиливает ощущение тревоги и беспокойства. Каждый повтор лексемы «fremd» усиливает эффект шока и усиливает эмоциональную реакцию персонажа, привлекая внимание читателя к его внутреннему состоянию [1, с. 36]. Повтор в данном фрагменте не только способствует эмоциональному восприятию текста, но и добавляет глубину изображения образа и его переживаниям, усиливая понимание его внутреннего конфликта.

Анафора, повтор слова или словосочетания в нескольких предложениях текста, следующих друг за другом, передаёт широкий спектр эмоций, которые испытывает персонаж, характеризуя его внутренний мир. Использование анафоры в новеллах Цвейга позволяет читателю глубже понять мотивацию и

переживания персонажей, а также создаёт особую атмосферу, погружающую в глубокую психологию произведений. В новелле «Письмо незнакомки» во фрагменте: *Es war auch Dein Kind, Geliebter, das Kind einer jener drei Nächte, ich schwöre es Dir, und man lügt nicht im Schatten des Todes. Es war unser Kind, ich schwöre es Dir, denn kein Mann hat mich berührt von jenen Stunden, da ich mich Dir hingegeben, bis zu jenen andern, da es aus meinem Leib gerungen wurde...* [11, с. 127]. Анафора подчёркивает важность и истинность сказанного. Фразы, начинающиеся с *Es war*, делают акцент на событии, которое персонаж считает значимым, и усиливают чувство драматизма и уверенности в его словах. Кроме того, анафора в этом контексте указывает на глубину чувств и преданность персонажа, который пытается донести правду о своём прошлом и о связи между ней и её возлюбленным. Эта повторяемость усиливает ощущение неизбежности и важности признания, которое происходит в момент, когда персонаж пытается убедить другого в честности своих слов.

Для полной осознанности переживаний главного героя часто употребляется такое стилистическое средство как антитеза, т. е. стилистический приём, который заключается в противопоставлении прямо противоположных друг другу образов, свойств или действий [9, с. 162; 8, с. 204]. Это средство позволяет значительно углубить восприятие внутренней борьбы персонажа и его столкновения с обстоятельствами, раскрывая сложность человеческой природы.

Стефан Цвейг использует антитезу в новелле «Письмо незнакомки» в следующем фрагменте: *Nie hättest Du mir, der Fremden, der allzu Bereitwilligen dreier Nächte, die sich ohne Widerstand, ja begehrend, Dir aufgetan, nie hättest Du ihr, der Namenlosen einer flüchtigen Begegnung, geglaubt, dass sie Dir die Treue hielt, Dir dem Untreuen — nie ohne Misstrauen dies Kind als das Deine erkannt!* [11, с. 128]. В первой части фразы говорится о «доверии» и «верности», а во второй — о «доверии к неверному» и «недоверии». Это создаёт напряжение между тем, что персонаж ожидает (верность и признание), и тем, что он фактически

получает (недоверие и игнорирование). Антитеза также служит иллюстрацией сложности человеческих отношений. Говоря о том, что её верность не была признана, автор подчёркивает тему неразделённой любви и глубоких эмоциональных страданий, которые возникают из-за недостатка взаимопонимания. Контраст отражает внутренние конфликты и накал эмоций, что делает ситуацию более напряжённой и драматичной.

В новелле «Двадцать четыре часа из жизни женщины», в цитате *Hätte gestern jemand mir, einer Frau mit tadellos verbrachtem Leben, die in ihrer Gesellschaft strengste konventionelle Würdigkeit forderte, auch nur angedeutet, ich würde mit einem wildfremden jungen Menschen, der Perlenboutons gestohlen hatte, vertraulich beisammensitzen – ich hätte ihn für sinnberaubt gehalten* [11, с. 206]. Автор противопоставляет двух персонажей, наиболее ярко показывает, насколько они разные люди, несомненную роль при этом в тексте играет антитеза, противопоставление двух образов: «*Frau mit tadellos verbrachtem Leben*» и «*wildfremden jungen Menschen, der Perlenboutons gestohlen hatte*».

Антитеза подчёркивает столкновение двух различных социальных и моральных миров. Первая часть фразы описывает женщину с идеальной репутацией, строго следящую за общественными нормами, а вторая часть вводит образ молодого человека, совершившего преступление. Это создаёт резкое различие между порядочностью и безнравственностью. Противопоставление указывает на внутренний конфликт героини, которая оказывается втянутой в ситуацию, полностью идущую вразрез с её жизненными принципами и социализированными ожиданиями. Это указывает на изменения в её восприятии себя и своих ценностей.

Повествование в новелле характеризуется ограниченной временной и пространственной перспективой, выдвиганием в центр рассказа «чрезвычайного происшествия», направленностью всех художественно-изобразительных средств на развитие и разрешение центрального конфликта.

[3, с. 47]. Произведения Стефана Цвейга, где выражено отрицание современного мира, драматизм, вызывают самый горячий отклик у читателя.

Высокочастотное использование Стефаном Цвейгом лексико-грамматических средств является действенным и выразительным средством художественного изображения мира эмоций протагонистов, их ассоциативно-образного портретирования. Их применение австрийским писателем придаёт художественным произведениям психологическое напряжение, художественно украшает их, воздействует на сознание читателя, вызывая у него самые разнообразные ассоциации. Лексико-грамматические средства, использованные Стефаном Цвейгом в его новеллах, формируют уникальный художественный стиль, который делает его произведения глубокими и многослойными.

Заключение

В целом текст новелл Стефана Цвейга читается легко, автору удаётся изобразить атмосферу происходящих событий, характеры героев, избегая сложные средства создания образов и использование средств вторичной номинации. Этот пробел восполняется в тексте лексико-грамматическими средствами, которые образуют богатый арсенал для выразительности речи. Их разнообразие создаёт различные стилистические эффекты, позволяет автору и героям произведения наиболее точно передавать свои мысли и чувства, создаёт определённую эмоциональную атмосферу. Лексико-грамматические особенности не только формируют структуру предложения, но и влияют на передачу содержания, они усиливают характеристику героев, что делает текст ещё более привлекательным и захватывающим. Понимание контекста и прагматики общения играет ключевую роль в интерпретации значений слов и выражений, что подчёркивает важность этих аспектов в языке. Лексико-грамматические средства позволяют не только передавать информацию, но и вызывать эмоциональный отклик у слушателя или читателя. Их использование обогащает текст, делает его более живым и запоминающимся.

Список литературы:

1. Богатырева Н. А. Стилистика современного немецкого языка. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. М.: Академия, 2005. 336 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс (на материале немецкого языка). М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. 413 с.
3. Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа. [Theorie und praxis der stilanalyse]. М.: Академия, 2010. 352 с.
4. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. М.: Просвещение, 2-е изд., дораб. 1989. 204 с.
5. Ковальчук И. Ю. Повтор и его функции в тексте: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: 2004. 149 с.
6. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на/Д., 2007. 198 с.
7. Москвин В. П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81–85.
8. Наер Н. М. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 2006. 271 с.
9. Ризель, Э. Г., Riesel, E. Стилистика немецкого языка. *Deutsche Stilistik*. М.: Высшая школа, 1975. 316 с.
10. Сильман Т. И. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы. Л.: Просвещение, 1969. 328 с.
11. Stefan Zweig, *Novellen*. Rostov-an-Don, Phönix: Ростов-на-Дону, Издательство «Феникс». 2011. 319 с.

References:

1. Bogaty`reva N. A. *Stilistika sovremennogo nemeczkogo yazy`ka*. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. М.: Akademiya, 2005. 336 s.

2. Brandes M. P. Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs (na materiale nemeczkogo yazy`ka). M.: Progress-Tradiciya: INFRA-M, 2004. 413 s.
3. Goncharova E. A. Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza. [Theorie und praxis der stilanalyse]. M.: Akademiya, 2010. 352 s.
4. Domashnev A. I. Interpretaciya xudozhestvennogo teksta: Nemeczkij yazy`k / A. I. Domashnev, I. P. Shishkina, E. A. Goncharova. M.: Prosveshhenie, 2-e izd., dorab. 1989. 204 s.
5. Koval`chuk I. Yu. Povtor i ego funkcii v tekste: dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk: 2004. 149 s.
6. Kulikova Z. P. Povtor kak sredstvo e`kspressivnosti i garmonizacii poe`ticheskix tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na/D., 2007. 198 s.
7. Moskvina V. P. Tipologiya povtorov kak stilisticheskoy figury` // Russkij yazy`k v shkole. 2000. № 5. S. 81–85.
8. Naer N. M. Stilistika nemeczkogo yazy`ka. M.: Vy`ssh. shk., 2006. 271 s.
9. Rizel`, E`. G., Riesel, E. Stilistika nemeczkogo yazy`ka. Deutsche Stilistik. M.: Vy`sshaya shkola, 1975. 316 s.
10. Sil`man T. I. Posobie po stilisticheskomu analizu nemeczkoy xudozhestvennoj literatury`. L.: Prosveshhenie, 1969. 328 s.
11. Stefan Zweig, Novellen. Rostov-an-Don, Phönix: Rostov-na-Donu, Izdatel`stvo «Feniks». 2011. 319 s.

Информация об авторах:

Л. В. Маняшина – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

А. А. Кузьмина – магистрант, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

L. V. Manyashina – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

A. A. Kuzmina – Master's student, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 27.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.